

DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-60-66

Мифоним *Орфей* как элемент индивидуально-авторского кода В.Я. Брюсова

Анна Тихоновна Грязнова

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия,
e-mail: grant09@yandex.ru

В статье дана лингвокогнитивная характеристика мифонима *Орфей* как элемента индивидуально-авторского кода В.Я. Брюсова. Процесс изучения индивидуально-авторского кода предполагает использование метода полевого анализа, направленного на выявление места рассматриваемой языковой единицы в художественной картине мира автора, средством организации которой служит индивидуально-авторский код. Анализ осуществляется на материале стихотворения В.Я. Брюсова «Ученик Орфея», где данный мифоним выполняет роль идейной и эстетической доминанты. Анализ текста свидетельствует о том, что мифоним *Орфей* в творчестве Брюсова выполняет функцию лингвистического концепта, понятийная составляющая которого представлена лексемами и устойчивыми выражениями, описывающими судьбу певца, а эмоциональная и экспрессивная составляющие раскрываются в тексте стихотворения элементами таких предметно-тематических кодов, как образовательно-воспитательный, ландшафтный, анимический, темпоральный, людический.

Ключевые слова: В.Я. Брюсов; лингвопоэтический анализ текста; лингвокогнитивный подход; индивидуально-авторский код; предметно-тематический код; концептуальный код; мифоним; *Орфей*

Ссылка для цитирования: Грязнова А.Т. Мифоним *Орфей* как элемент индивидуально-авторского кода В.Я. Брюсова // Русский язык в школе. – 2019. – Т. 80. – № 6. – С. 60–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-60-66.

Mythonym *Orpheus* as an Element of V.Ya. Bryusov's Code

Anna T. Gryaznova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia,
e-mail: grant09@yandex.ru

This article sets out to carry out linguocognitive characterization of the mythonym *Orpheus* as an element of V.Ya. Bryusov's code. The investigation of the author's code involved the use of the field analysis method aimed at identifying the place of a language unit under study in the author's worldview, which is organized by the author's individual code. The study is based on the material of Bryusov's poem «Uchenik Orfeya» («Orpheus's student»), where this mythonym exhibits ideological and aesthetic dominance. The text analysis indicates that, in the work of Bryusov, *Orpheus* performs the function of a literary concept, the meaning component of which is represented by lexical items and established phrases describing the singer's fate, while the emotional and expressive components are manifested by elements of subject-thematic educational, landscape, animated, temporal, human codes.

Keywords: V.Ya. Bryusov; linguopoetic analysis of the text; linguistic-cognitive approach; individual author code; subject-thematic code; concept code; mythonym; *Orpheus*

A reference for citation: Gryaznova A.T. Mythonym *Orpheus* as an element of V.Ya. Bryusov's code. In *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2019, vol. 80, No 6, pp. 60–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2019-80-6-60-66.

В русской поэзии есть ряд образов, заимствованных из зарубежной литературы благодаря многочисленным переводам и успешно адаптировавшихся к условиям воспринимающей культуры. К их числу принадлежат *Гамлет*, *леди Макбет*, *Дон Жуан*, *Фауст*, *Золушка*, *Спящая красавица*, *Пьеро*, *Арлекин*, *Коломбина* и многие другие. Но едва ли не самое заметное место в их ряду занимают персонажи, известные в России по переводам древнегреческих

мифов: *Одиссей*, *Медея*, *Геркулес*, *Зевс*, *Ариадна* и, конечно же, *Орфей*. Их имена приобрели в русском языке статус мифонимов¹, которые были востребованы русской литературой в разные периоды времени. Образ Орфея стал чрезвычайно

¹ Мифоним – собственное имя вымышленного объекта любой категории (героя, божества, демонического персонажа, места) в мифах и сказаниях (Одиссей, Посейдон, Змей-Горыныч, Китеж) [Варбот, Журавлев 1998: 27].

популярным в литературе Серебряного века. Этот мифоним неоднократно использовали в своих произведениях такие поэты и писатели, как В.Ф. Ходасевич, Вячеслав Иванов, О. Мандельштам, М. Цветаева, которые наделяли его разными смыслами, в результате чего он стал элементом мифологического кода.

Обратился к образу Орфея и В.Я. Брюсов, с одной стороны, чутко улавливающий тенденции времени, а с другой — целенаправленно изучавший культуру Древней Греции и Рима: ему принадлежит сборник статей «Учители учителей», посвященный этой проблеме. Несмотря на глубокое знание древней поэзии, Брюсов делает образ Орфея элементом индивидуально-авторского кода, реализуя его с помощью ряда языковых элементов, помогающих поэту структурировать собственную художественную картину мира.

Целью данной статьи является лингвокогнитивная характеристика мифонима *Орфей* как элемента индивидуально-авторского кода В.Я. Брюсова. Процесс изучения индивидуально-авторского кода предполагает использование метода полевого анализа, направленного на выявление места рассматриваемой языковой единицы в художественной картине мира автора, средством организации которой служит индивидуально-авторский код.

Это становится возможным потому, что в индивидуально-авторском стиле, как и в стандартизованном языке, «коды составляют упорядоченное множество взаимосвязанных между собой предписаний, стандартов, ограничений и установок по отношению

И музыка, музыка, музыка
Вплетаётся в пенье мое,
И узкое, узкое, узкое
Пронзает меня лезвие.
Я сам над собой вырастаю,
Над мертвым встаю бытием,

В отличие от воображаемой лиры Брюсова, у Ходасевича она не только реальна и осязаема, она еще и тяжела. Прилагательное *тяжелый* употребляется поэтом диффузно: оно имеет значения 'внушительный вес' и 'требующий большого труда', даже 'мучительный', что актуализирует переносные значения лексемы *лира*, первое из которых традиционно-поэтическое — творчество в широком

к разным видам деятельности (коммуникативной, преобразовательно-технологической, семантической, аксиологической, познавательной, эстетической и т.п.), центральное звено которых составляет множество знаков (символов), смыслов и их комбинаций» [Аванесова, Купцова 2015, Электронный ресурс]. В формировании индивидуально-авторской картины мира, которая может заметно отличаться от обыденной, участвуют элементы культурно-языковых кодов, использованные в непривычном контексте. Вследствие этого языковые знаки (символы), в первую очередь лексемы и фраземы, приобретают необычную семантико-стилистическую окраску, существенно усложняющую восприятие художественного текста, чтение которого требует от читателя декодирования, ведь одним и тем же языковым образом разные авторы приписывают непохожие смыслы.

Так, лексема *лира*, использованная В.Я. Брюсовым в стихотворении «Ученик Орфея» (1918), текст которого выбран в качестве материала лингвопоэтического анализа в данной статье, символизирует приверженность традициям классической поэзии и творческий дар:

Везде я шел, незримо лиру
Держа, и властью струн храним,
Свой новый гимн готовя миру,
Но сам богат и счастлив им.

При этом обстоятельство *незримо* указывает на воображаемый характер реалии. Иную картину мы видим в стихотворении В.Ф. Ходасевича «Баллада» (1921), героем которого также является Орфей:

Стопами в подземное пламя,
В текущие звезды челом.
<...>
И в плавный, вращательный танец
Вся комната мерно идет,
И кто-то тяжелую лиру
Мне в руки сквозь ветер дает.

понимании, а второе индивидуально-авторское — судьба. В произведении Ходасевича лира также символизирует не только богоданность дара поэзии, но и «мировую гармонию, гармоническое соединения космических сил; числовую гармонию как основу вселенной, планетарные сферы; ...путь (переход) в иной мир; ...благость, богодуховенность, вечное вдохновение (поэтическое,

музыкальное); ...способность вещать, пророчество, ворожба; ...умиротворение (всякой дикости), успокоенность духа»². Лира у Ходасевича — это символ власти и пророчества, дарованный Орфеем свыше. Упоминание лезвия, пронзающего лирического героя в его стихотворении, — это реминисценция образа меча из пушкинского «Пророка», а описание внешнего преображения отсылает, с одной стороны, к учению Пифагора о гармонии сфер, а с другой — к гравюре Р. Фладда «Ветруианский человек» и в этом случае является интермедийным вкраплением.

Такие различия индивидуально-авторских кодов обусловлены тем, что слово выступает вторичным «механизмом предметной памяти, который можно выразить как в знаковой деятельности (ритуал, культ, магия, колдовство и т.п.), так и в знаковости орудий труда, связанных ручной деятельностью человека. Языки знаковой деятельности держат поле культуры (и связанного с ней языка. — А.Г.) готовым для выявления смыслов, или, иначе, ценностей, позволяющих человеку осваивать и природу, и социум, расширяя тем самым собственную свободу и возможности самой культуры» [Аванесова, Купцова 2015, Электронный ресурс]. Как следствие, образ Орфея, являющийся в материнской культуре элементом не только системы мифов, но и орфических мистерий, в процессе заимствования русской литературой адаптировался к ее системе, но эта адаптация носила индивидуально-авторский характер. В языковом аспекте образ Орфея осваивался двумя путями: становясь элементом предметно-тематического и концептуального кодов (в классификации В.В. Красных, предметного и духовного) [Красных 2001: 6–7]. В первом случае осваивалась знаковая сторона элемента кода, которая наполнялась новым содержанием, во втором лексема встраивалась в систему концептов заимствующей лингвокультуры. Становясь элементом литературного произведения, она приобретала возможность стать художественным концептом.

Отличительным признаком концептуального статуса языковой единицы в художественном тексте является принадлежность

ее к числу «субстанций», в роли которых выступают «некоторые ментальные сущности, единицы смысла (концепты, идеи, мотивы)», они «соотносятся с разными материальными воплощениями этого смысла» [Толстая, Электронный ресурс]. Мифоним *Орфей* в русской литературе стал использоваться для создания эталонного образа поэта, в западной же культуре популярным стал мотив верной любви, которую не может разрушить даже смерть.

На концептуальный статус собственного имени существительного *Орфей* указывает локализация его в сильной позиции текста — заглавии — и полный лексический повтор. Учеником Орфея называет себя лирический герой, поэт, который, подобно своему учителю, черпает вдохновение в окружающем мире. При этом имя собственное используется в прямом номинативном значении (оно формирует понятийную составляющую концепта), а нарицательное существительное *ученик* — в переносном. Языковые единицы, раскрывающие смысл этого понятия, реализуются в тексте стихотворения предметно-тематическими кодами, формирующими эмоциональную и экспрессивную составляющие концепта.

Понятийная составляющая концепта «Орфей» представлена лексемами и устойчивыми выражениями, описывающими судьбу певца, отраженную в русских переводах древнегреческих мифов. Брюсов называет Орфея *сходившим в ад сыном бога, слагавшим гимны, который меж тигров... когда-то пел*, чью жизнь оборвали *менады*, растерзав тело *тирсами*. Большинство единиц этой группы требуют культурного и семантического комментария:

- о рождении Орфея в мифах существует ряд противоречивых сведений — его отцом называют то фракийского речного бога *Эгра*, то *Аполлона, древнегреческого бога света* и покровителя искусств;

- образ Орфея, *поющего меж тигров*, — модификация мифологического мотива, которая встречается только в лирике Брюсова, впервые использовавшего ее в стихотворении 1904 г. «Орфей и аргонавты» (*Тиграм и камням довольно служила / Лира твою, о Орфей!*). В древнегреческом мифе повествуется о том, что игрой на лире, подаренной Аполлоном, Орфей мог усмирять диких животных, двигать скалы. Этот сюжет нашел отражение в многочисленных

² Псалтериум // SYMBOLARIUM. Краткая энциклопедия символов [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/Псалтериум> (дата обращения: 08.08.2018).

фресках и мозаиках. Так, например, мозаика «Орфей и звери» (конец II—начало III в. н.э., Пафос, Археологический парк) изображает музыканта в окружении животных и птиц: лисы, медведя, кабана, коровы, леопарда, льва, куропатки, тигра, оленя, змеи, орла, павлина, попугая [Тахо-Годи, Электронный ресурс];

- Орфей, спускающийся в ад, точнее в загробное царство древних греков Аид, — сюжет, чрезвычайно популярный в европейской литературе. Музыкант отправляется туда за своей женой Эвридикой, умершей от укуса змеи. Очарованные лирной игрой Орфея, Аид и Персефона разрешают певцу забрать ее, но запрещают оглядываться, пока они не покинут пределов подземного царства. Орфей нарушает запрет, в результате чего навсегда теряет жену. Этот сюжет нашел отражение в короткой стихотворной драме Брюсова «Орфей и Эвридика» (1903–1904);

- Менады — лексема-экзотизм. Это слово греческого происхождения, его внутренняя форма (*Μαινάδες* 'безумствующие') указывает на то, что их поведение в состоянии экстаза напоминало поведение умалишенных. Менады, которых также называли вакханками и бассаридами, были жрицами бога растительности, виноградарства и виноделия Диониса (Вакха, Бахуса). «Следуя фиасами (толпами) за Дионисом, М., украшенные виноградными листьями, плющом, сокрушают всё на своем пути тирсами. Полуобнаженные, в шкурах пятнистого оленя, со спутанными волосами, часто подпоясанные задушенными змеями, они в безумном восторге вызывают к Дионису Бромии («Шумному») или к Дионису Плющевому, восклицая "Вакх, Эвое". Они растерзывают в лесах и горах диких животных и пьют их кровь, как бы приобщаясь к растерзанному божеству» [Там же];

- Тирс (др.-греч. *θύρσος*) — атрибут менад, представляющий собой деревянный жезл, украшенный плющом и виноградными листьями, его название также является экзотизмом. Орфей, растерзанный тирсами, был принесен в жертву Дионису;

- выражение *лавр венца* следует понимать как «венчик, сплетенный из веток и листьев лавра» (ср. устойчивое выражение *лавровый венчик* как символ победы,

знак победителя), которым в Древней Греции награждали не только победителей спортивных соревнований, но и состязаний музыкантов.

Перечисленные мотивы тесно связаны с архетипом «Поэт», который в русской литературе реализовался рядом идейно-образных модификаций, среди которых исключительность статуса поэта в обществе (сын или посланник Бога на земле); эталон праведности и жертвенности; пророческая роль поэта в обществе; способность усмирять своим искусством животных, управлять силами природы, преобразовывать окружающий мир; бесприютность из-за гонений со стороны толпы. Таким образом, художественный концепт *Орфей* является одним из языковых средств реализации более сложного познавательного концепта «Поэзия».

Его **эмоциональная и экспрессивная составляющие** раскрываются в тексте стихотворения рядом предметно-тематических кодов, позволяющих поэту отразить индивидуальную систему ценностей и передать авторские представления о роли поэта в обществе.

Первым среди них является «образовательно-воспитательный код». Он относится к числу профессиональных кодов и представлен в стихотворении конверсивами *учитель* и *ученик*, а также единицами тематических групп «Литература» и «Пространство». Конверсивы использованы в метафорическом значении, ведь Орфея и лирического героя стихотворения разделяют столетия. В тексте лексема *учитель* приобретает значение «мудрый наставник, образец для подражания в области искусства и отношения к жизни», а его характер раскрывается с помощью элементов лексико-семантической группы «эталон поведения» *горд, смел*.

Лексема *ученик* использована диффузно, т.е. сразу в двух переносных значениях: 1. «Тот, кто овладевает профессией поэта, участь у природы»; 2. «Идейный последователь, продолжатель традиций».

Первое значение раскрывается с помощью языковых единиц, формирующих текстовое семантическое микрополе «Пространство» и, как следствие, пространственный код. Он реализуется лексемами тематической группы «Ландшафт» (*стени,*

ущелья гор, яйла, прибой, валы, море), с одной стороны, и «Город» (столичный, Город, авто, трамвай) — с другой.

Тематическая группа «Ландшафт» имеет ярко выраженную «южную» разновидность, точнее ее элементы описывают природу Крыма³, о чем свидетельствует использование слова *яйла*: «(тур. *Yayla* — плато) — летнее горное пастбище, то есть относительно горизонтальный участок горной местности, имеющий достаточное количество плодородной почвы и влаги в летнее время для выпаса скота»⁴. Обычно эта лексема используется в контексте *крымская яйла*, где реализует фоновую семантику «место обретения магической силы». Не случайно лирический герой Брюсова именно здесь беседует с ветром и эхом, которые персонифицируются, реализуя анимический (стихийный) код. Таким образом поэт достигает ремифологизации — обновления мифологических образов и структур. Именно с ее помощью он актуализирует фоновую информацию о том, что в изображаемом месте много столетий назад жили древние греки, неявно указывающую на характер ученичества лирического героя, черпающего вдохновение и мастерство в локусе, атмосфера которого максимально близка к той, что вдохновляла его учителя Орфея. Для ассоциативной отсылки к этой информации используется предметный код: *цепи строф* (ср. *цепи гор*); *черед венков сонетных*⁵ (ср.

фразеологизм *лавровый венок*, а также переносное значение однокоренной лексемы *венец* в значении «круг, образуемый вершинами расположенного в форме окружности горного хребта (геогр.)»⁶.

На приверженность лирического героя классическим традициям, восходящим к древнегреческой литературе, указывают и элементы текстового поля «Литература», входящие в тематические группы «Поэтическая техника» и «Литературные жанры». Все они реализуют терминологический код, используемый в европейском литературоведении, большинство элементов которого возникло в античную эпоху: *строфа* (др.-греч. *στροφή* «поворот»), *стих* (др.-греч. *ὁ στίχος* «ряд, строй»), *рифма* (др.-греч. *ῥυθμός* «размеренность, ритм»), *сонет* (итал. *sonetto*, окс. *sonet*), *метр* (от греч. *metron* «мера»), *баллада* (от лат. *ballare* «плясать»), *миф* (от греч. *mythos* «предание, сказание»), *поэма* (греч. *ποίημα*, от *ποιέω* «делаю, творю»), *песня* (от праслав. **rěsnь*), *размер* (возм. калька греч. *metron* «мера»), *гимн* (др.-греч. *ῥυθμός* «гимн», предположительно из *ὑμῆναος* «гимней» — хвалебная песнь). Они указывают на то, что ученичество лирического героя проявляется, в первую очередь, в овладении техникой стихосложения и осознании сущности жанров. Этапоном для него является классическая поэзия, восходящая к античным образцам.

Среди перечисленных единиц выделяются две, которые, наряду с лексемами *лира* и *венец*, подчеркивают связь образов Орфея и его ученика: это *античный миф* и *гимн*. Античный миф воспринимается лирическим героем как материал для сочиняемых им баллад. Многозначная лексема *гимн* (др.-греч. *ῥυθμός*) встречается

и т.д. Четырнадцатый сонет завершается первой строкой первого сонета (как бы первый сонет начинается последней строкой четырнадцатого). Пятнадцатый сонет (магистральный сонет, магистрал, мадригал) состоит из первых строк предшествующих 14 сонетов. Магистрал является тематическим и композиционным ключом (основой) венка; обычно он пишется раньше других сонетов венка» [Квятковский А.П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. — М., 1966. — С. 72–73]. У самого Брюсова есть сборник, который называется «Στεφανος» («Венок»), название на титульном листе оформлено в графике языка-источника.

⁶ Там же.

³ В течение жизни В.Я. Брюсов неоднократно бывал в Крыму, в том числе и в период, предшествовавший написанию «Ученика Орфея»: «Что касается фактов моей личной жизни, то здесь уместно будет сказать лишь то, что я совершил немало маленьких «путешествий». Еще ребенком я был с родителями в Крыму. Студентом я ездил опять в Крым и на Кавказ, потом в Ригу и Варшаву и совершил маленькое путешествие по Германии. По окончании университета я с женой (я женился в 1897 году) провел два лета в Крыму и одно в Ревеле» [Брюсов 1959].

⁴ Яйла // Академик [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/88632> (дата обращения: 08.08.2018).

⁵ **Венок сонетов** — архитектурно-поэтическая форма (твердая форма) поэтического произведения, а также поэтическое произведение, написанное в этой форме. Венок сонетов состоит из 15 сонетов. Первая строка второго сонета совпадает с последней строкой первого сонета, первая строка третьего — с последней строкой второго

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

в тексте дважды. В первый раз она размещена в сильной позиции текста, позволяющей квалифицировать значение как «торжественная песнь, в которой прославлялись доблести богов и героев» и характеризующей жанр произведений, автором которых был Орфей. Во втором случае текстуальная позиция слабая: она позволяет допустить двоякое понимание смысла: с одной стороны, можно предположить, что лирический герой провозглашает себя продолжателем традиций Орфея (на это указывает лексема *лира*, использованная в той же строфе), а с другой — контекст позволяет допустить, что речь идет о торжественной песне, принятой как символ государственного или социального единства⁷. На возможность такого понимания указывают словосочетания, входящие в текстовую группу «Время»: *май, треск ружей, баррикадный крик* (революционный или послереволюционный период). Известно, что после февральской революции поэты предлагали новые тексты гимнов взамен устаревшему, начинавшемуся словами «Боже, царя храни...».

Использование лексемы *гимн* говорит о том, что характер творчества лирического героя в его городскую бытность существенно меняется в сравнении с предшествующим периодом. Об этом свидетельствуют наименования жанров, к которым обращается поэт: *поэмы* (страсти), *песни* (мая). Выражение *песни мая* может быть понято не только как лирические произведения на тему любви (в соответствии с темпоральным кодом *весна* — время молодости, влюбленности), но и как революционные марши и гимны⁸.

⁷ Гимн // KARTASLOV.ru — Карта слов и выражений русского языка. [Электронный ресурс]. — URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/гимн> (дата обращения: 08.08.2018).

⁸ «В 1917 году, после Февральской революции, Первомай впервые отпраздновали открыто: миллионы рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой министров-капиталистов», «Вся власть Советам», «Долой империалистические войны!» ...1 мая проводились демонстрации трудящихся и военные парады (первый первомайский парад РККА состоялся в 1918 году на Ходынском поле). На второй день праздника, как правило, во всей стране проходили «маёвки» — массовые празднования на природе» [Первое мая (праздник) // Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный

На отличительные признаки произведений этого периода творчества лирического героя указывают компоненты тематической группы «Звуки», выступающие элементами акустического кода, которые объединяет сема «дисгармония»: *грозный гул, гремя, звеня, стуча, гудки, звонки, стук, топот, ропот, треск, крик*. В отличие от ритмичных и гармоничных звуков природного происхождения: *шум* (моря), *плеск* (рек), *гром, свист* (непогоды), — они рождают ощущение хаоса, подчеркнутое Брюсовым с помощью аллитерации (*треск ружей, баррикадный крик*)⁹.

Лирический герой, замечая, что *все звуки жизни и природы он облекает в размер привык*, подчеркивает, что жизнь Города иллюзорна и опасна, используя для этого элемент людического (игрового) кода: *Играет Город в жизнь....* Другой тип кода, с помощью которого он дает отрицательную характеристику Городу, — мифологический. Поэт использует скрытую метафору *Город — Хаос, вакханалия*, проводя параллель между собой и Орфеем:

Я с песней в адову обитель,
Как он, сошел бы, горд и смел.

Говоря об адской обители, поэт использует условное наклонение, что указывает: речь идет не о Городе. Звуковой образ Города (*визг трамвайный и вопль моторов*) создается посредством взаимодействия акустического и технического кодов, средством их объединения служит прием олицетворения.

Так мне ль осилить взвизг трамвайный,
Моторов вопль, рев толп людских?

Звуки Города уподобляются *дикому крику* менад (ср. *баррикадный крик*), сопровождающему убийство Орфея. Лирический герой предвидит, что и его жизнь оборвется внезапно:

ресурс]. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Первое_мая_\(праздник\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Первое_мая_(праздник)) (дата обращения: 08.08.2018).

⁹ Едва ли не первым сборником Брюсова, где обнаруживалась его отношение к революции, был уже упоминавшийся сборник «Στεφανος» («Венок»), опубликованный во время столкновения рабочих с правительственными войсками в 1905 г. [Венец // Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. — URL: <http://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=4412>] (дата обращения: 08.08.2018).

РУССКИЙ ЯЗЫК В ШКОЛЕ / RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL 2019

Жду, на какой *строфе* случайной
Я, с жизнью, *оборву* свой стих.

Выражение *случайная строфа* в этом контексте используется метонимически в значении 'момент жизни, в который она создается'. Возникающая с ее помощью образная параллель «поэзия — жизнь» акцентируется в последней строке стихотворения, выделенная сильной позицией текста. Эта параллель, с одной стороны, объясняет суть ученичества лирического героя, с другой — подчеркивает, что жизнь, посвященная поэзии, предопределяет его судьбу, подобную судьбе Орфея. Этот выбор делается лирическим героем осознанно, он готов, подобно учителю, принять его гордо и смело. Так реализуется второе значение лексемы *ученик* — последователь учения, продолжатель традиций.

Итак, анализ стихотворения «Ученик Орфея» позволил установить, что мифоним *Орфей* выполняет в нем роль художественного концепта, организующего произведение в идейном, композиционном и образном отношении. Его своеобразие проявляется в связи не только с познавательным концептом «Поэзия», что типично для русской литературы Серебряного века, но и с концептом «Судьба», для чего Брюсовым используются элементы воспитательно-образовательного, терминологического, пространственного, анимического, акустического, людического, хронологического, технического и мифологического предметно-тематических кодов.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: понимание сущности, функциональная роль в культурной практике // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2015. — № 47 [Электронный ресурс]. — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-ponimaniyesuschnosti-funktsionalnaya-rol-v-kulturnoy-praktike#> (дата обращения: 08.08.2018).

Брюсов Валерий Яковлевич // Советские писатели. Автобиографии: в 2 т. — М., 1959. — Т. 1. — С. 182–197.

Варбот Ж.Ж., Журавлев А.Ф. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. — М., 1998.

Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. — М., 2001. — Вып. 19.

Тахо-Годи А.А. Менады // Мифы народов мира [Электронный ресурс]. — URL: <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=2885> (дата обращения: 08.08.2018).

Толстая С. К понятию культурных кодов // Славянская этнолингвистика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/13594> (дата обращения: 08.08.2018).

REFERENCES

Avanesova G.A., Kuptsova I.A. Codes of culture: understanding of the essence, a functional role in cultural practice. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii* [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies]. 2015, No. 47. [Electronic resource]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kody-kultury-ponimaniyesuschnosti-funktsionalnaya-rol-v-kulturnoy-praktike#>. (access date: 08.08.2019). (In Rus.).

Bryusov Valerii Yakovlevich. In *Soviet writers. Autobiographies*. In 2 vol. Moscow, 1959, vol. 1, pp. 182–197. (In Rus.).

Varbot Zh.Zh., Zhuravlev A.F. A brief conceptual and terminological guide to etymology and historical lexicology. Moscow, 1998. (In Rus.).

Krasnykh V.V. Codes and cultural standards (invitation to talk). In *Sbornik statei Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Collection of articles Language, consciousness, communication]. Moscow, 2001, release 19. (In Russ.).

Takho-Godi A.A. Maenads. In *Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]. [Electronic resource] — URL: <http://ancientrome.ru/art/artwork/img.htm?id=2885>. (access date: 08.08.2018).

Tolstaya S. To the concept of cultural codes. In *Slavyanskaya etnolingvistika* [Slavic ethnolinguistics] URL: <http://www.rastko.rs/projekti/etnoling/delo/13594>. (access date: 08.08.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Анна Тихоновна Грязнова, кандидат филологических наук, профессор, кафедра русского языка, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет; ул. Малая Пироговская, д. 1/1, Москва, 119435, Россия

Anna T. Gryaznova, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Department of Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University; 1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119435, Russia